

Сергей
Гаврилов

В
ПОЛОСЕ
ВРЕМЕНИ

Сергей Федорович Гаврилов
В Полосе времени (сборник)
Серия «Книга для счастья»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34709088
В Полосе времени: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-108862-0

Аннотация

Читателям предоставленных рассказов дается редкая возможность посмотреть на необычные взаимоотношения героев через их глубокие переживания, порою связанные с трагической страстью, таинственным и в какой-то мере мистическим окружением, а также непредсказуемым финалом.

В маленькой приключенческой повести встретится неунывающий голубоглазый солдат, с юмором преодолевающий возникающие трудности армейской жизни.

Содержание

Рассказы	5
Крысы	5
Пагубная страсть	16
Синее наваждение	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Гаврилов

В Полосе времени

© Сергей Гаврилов, текст, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Рассказы

Крысы

Однажды, во время путешествия по югу страны, меня занесло в необычные края. На берегу реки в предгорной местности стояла гостиница, в которой я решил остановиться. Снятый мной номер был не в главном корпусе, а на отшибе, в немного уединенном месте, выше по горе. Оказалось, что рядом со мной поселилась молодая соседка. Это была черноволосая симпатичная девушка с немного удлинненным носом. Она мне показалась странной, так как постоянно была как бы погруженной в себя, мало общалась. Но как-то вечером она вдруг предложила вдвоем прогуляться. Мы стали спускаться по лестницам в направлении основного корпуса гостиницы.

Вид сверху на простирающийся изгиб реки был прекрасный. Девушка шла впереди, но неожиданно резко остановилась у скального поворота. Я подошел и, заинтересовавшись, посмотрел вниз. Там, на дорожке, ведущей к основному входу, лежали две распростертые курицы, в которые вгрызалось несколько мерзких крыс. Мне стало неприятно, я отвернулся и собрался уже идти обратно, как вдруг услышал внизу шум и вновь посмотрел вниз. Из желтого подсобного помещения

вышел хозяин в белом поварском колпаке с тазиком в руках и стал разбрасывать куски мяса по дорожке, приговаривая: «Ешьте, ешьте, дорогие!» Это меня сильно удивило. «Как же здесь могут жить туристы? – спросил я девушку. – Пойдемте отсюда!»

Мы развернулись и пошли по ступенькам вверх, девушка молчала. К моему удивлению, один из пролетов оказался сломан, и я предложил вскарабкаться, надеясь на свои силы. Для начала я предложил девушке забраться на мои плечи, тогда бы она легко дотянулась до уцелевшей лестницы. Ухватившись, она полезла мне на спину. Странное ощущение возникло, когда она до меня дотронулась, будто это были не руки. Но не успела эта мысль мелькнуть в моей голове, как девушка не удержалась и мы вместе упали в какую-то грязь, изрядно вымазавшись. «Ничего, – пролепетала она, – здесь есть душевые. Пойдемте, я покажу дорогу». И действительно, пройдя несколько боковых лестничных переходов, мы вышли к маленькой побеленной, похожей на сарай, постройке. Внутри была просторная душевая. Я нашел мыло и, посмотрев на девушку, хотел определить очередность мытья. Но она, мило улыбаясь, предложила помыть мне спину и, не принимая возражений, развернув меня к себе спиной, стала снимать с меня грязную одежду. Теплая вода и нежные прикосновения ее рук расслабили меня, я уже забыл о происшедшем и хотел обернуться. Но услышал: «Не оборачивайся». Взгляд мой скользнул по разбитому кусочку зер-

кала, который, видимо, забыли убрать. Сзади меня стояло что-то непонятное – серое и волосатое. Глаза были красные. «О, ужас! Это же огромная, с человеческий рост, крыса!» Инстинктивно дернувшись, я развернулся и, ничего не видя перед собой, с воплем бросился прочь.

Не помню, как были преодолены все лестницы и даже те места, где они отсутствовали. Сердце мое выпрыгивало из груди! Я судорожно собирал чемодан: «Быстрее, быстрее отсюда! О, ужас!» Вдруг окно приоткрылось, и снаружи появилась голова девушки. «Не бойся меня, – нежно прошептала она, – здесь все туристы получают удовольствие с условием, что они закрывают глаза. Многим это нравится. Я не причиню тебе зла». Совладав с собой, сжавшись внутри, как пружина, я спросил: «А зачем вам это надо?» Девушка через окно уже залезла в комнату. Она была необыкновенно красива в своей наготе. «Если ты сделаешь мне ребеночка, то он сможет внешне выглядеть как человек, а когда захочет, будет крысой. Мы хотим увеличить популяцию и расселиться по всему побережью. Соглашайся. Иначе ты отсюда не сможешь уйти», – добавила она неожиданно жестко. Решив выиграть время, чтобы обдумать пути своего спасения, я ответил, что сейчас не могу, что, может быть, завтра. «Хорошо», – вновь пропела девушка-крыса и исчезла. Я сел на кровать, обхватив свою голову руками. «Может, мне снится все?» Я стал щипать себя, но ничего не менялось. «Может, напиться и будь что будет?» – косо посмотрел я на бутыл-

ку виски. «Нет, нужно как-то выбираться отсюда!» – собравшись с духом, решил я.

Наступил вечер. Образ нагой девушки не выходил у меня из головы. Как она была соблазнительна своими формами! Удивительно, что, несмотря на возникшие страх и отвращение, глядя на смятую постель в своей комнате, я стал представлять ее в самых пикантных ситуациях. Приближалась ночь. Открыв дверь, я увидел настолько яркую луну, что редкие облака, склон горы, пойма видневшейся внизу реки, лестницы на территории гостиницы – все замерло в золотом отблеске. Какая-то непередаваемая «звучная» тишина успокаивала, как бы убаюкивала, мою тревогу. Сделав несколько шагов, я хотел попробовать подняться вверх, к дороге, но вдруг увидел лежащий под ногами большой, размером с человеческую ногу, крысиный хвост. Он лежал поперек прохода и шевелился, выныривая из-под металлического настила. «Каков же сам хозяин этого хвоста?.. Видимо, за мной следят, чтобы не убежал», – передернувшись, подумал я и вернулся в номер.

Странное чувство овладело мной. Я стоял в своей комнате у окна, ничего не видя, погрузившись в эти новые ощущения. Лишь ярко-желтая луна нагло пыталась закрыть собою весь мир. Меня охватила какая-то дрожь, как будто кто-то нашептывал мне сказочную мантру. От этого стали закрываться глаза, мое дыхание участилось, и вот уже чьи-то мягкие женские руки заскользили по моей спине. Теплое те-

ло, как легкая, прогретая солнцем морская волна, нежно, но властно прижалось ко мне. Опыяненный ласками, я запрокидываю голову и чувствую, как чьи-то губы льнут к моим. Я безвольно отдаюсь этим пылающим устам и жадно спешу обнять это жаркое незнакомое тело. Руки все решительнее бегут по мягким линиям, задерживаются на упругой груди и взволнованно устремляются к животу. Я уже ни о чем не думаю, кроме всепоглощающей страсти, и только луна бешено мелькает в незашторенном окне... Проходит вечность или короткое мгновение – не знаю... Все сгорает, и медленно приходит блаженный покой. Я открываю глаза и обессиленно смотрю на удаляющуюся фигуру девушки-крысы.

Прошло еще какое-то время, и ко мне пришло осознание происшедшего. Мысль, что я был в объятиях крысы, пусть даже в образе девушки, пугала меня, но свежие воспоминания о благоухании ее рассыпавшихся черных волос, горячем дыхании и прикосновении молодой груди заставляли снова трепетать. Постепенно тревоги, как легкий недуг, отошли, незаметно подкралась усталость, и я спокойно заснул.

Наступило утро. Я решил прогуляться вниз к реке. Мною владел необычайный подъем, восторг. На все было радостно смотреть: на эти перистые облака, скользящие сегодня по необычной синеве неба, на зеленые шарики подстриженных деревьев, ласково машущих своими листочками. Я даже особо не обратил внимания на мужчину в сопровождении молодой спутницы и пожилой женщины с заметным темным пуш-

ком под длинным носом, проследовавшего в ту самую желтую пристройку, из которой выходил вчера хозяин гостиницы. Находясь уже внизу, у резной ограды, отгораживающей крутой спуск к реке, я почувствовал, как нахлынули волнующие, одурманивающие воспоминания прошедшей ночи...

Остановившись, я закрыл глаза, чтобы не спугнуть нахлынувшие сладостные переживания. Сердцу вдруг стало тесно в груди от желания снова быть с ночной гостьей, почувствовать трепетание ее податливого тела, погрузиться в необузданную страсть. Смутно сквозь свой мечтательный сон я услышал глухой крик со стороны желтой пристройки, а спустя еще некоторое время – слова хозяина: «Ешьте, ешьте, дорогие!» Окружающий мир был где-то вдали, мне захотелось немедленно увидеть свою возлюбленную соседку, стройную и прекрасную, оказаться рядом с ней – так близко, чтобы вновь зарыться лицом в ее черные душистые волосы. Уже поднимаясь, я издали смотрел на окно, где живет моя девушка-крыса. Оно было таким притягательным и заманчивым, как для заблудившегося, уставшего морского путника спасительный маяк. По нему бегали солнечные зайчики из-за шевелящегося перед ним от легкого ветерка большого куста сирени. Представляя, что за ним отдыхает моя возлюбленная и, возможно, думает обо мне, я услышал позади знакомый певучий голос: «Ты был великолепен. Я сегодня снова приду». Весь погруженный в мечтания, я не сразу обернулся. А когда оглянулся, то моей возлюбленной уже не бы-

ло, лишь в воздухе висел душистый аромат ее незабываемых волос, напоминающий лаванду.

...Так долго и мучительно время еще не тянулось. Но все же ночь медленно вползла, нехотя отодвигая сумерки. Я снова стоял у окна и с нетерпением ждал. Луна сегодня скрылась за тучами. Вся округа погрузилась в темноту, лишь мой желтый абажур в углу комнаты, как мне казалось единственный в мире, излучал тусклый свет. Вдруг я непроизвольно задрожал, сердце бешено заколотилось. Опять нежные, но властные руки заскользили по мне. Полностью потеряв контроль над собой, я медленно опустился на постель в объятиях прильнувшей ко мне и желанной возлюбленной. Закрыв глаза, я видел, как гаснут и вспыхивают тысячи звезд во Вселенной, и я кометой летел среди них с невероятной скоростью. Вдруг передо мной оказалась черная звезда, манящая своей непознанностью и холодом. В ней было что-то ужасное и прекрасное, и я, целуя девушку-крысу, прорычал: «Прими образ крысы, я тебя хочу любить какой бы ты ни была!» А затем я наслаждался, чувствуя своими ладонями немного жесткую шерсть на спине своей возлюбленной. И, находясь в своих грезах в черных недрах родной уже звезды, я услышал: «У меня будет ребеночек, наш ребеночек. Но тебя должны убить. Завтра, когда пойдем к желтой пристройке, не заходи внутрь. Тебе нужно бежать к реке и спасаться вплавь. Наш хозяин бывает беспощадным, когда мы, крысы, его послушиваемся. Мы должны быть безжалостны к людям. Но ты у ме-

ня первый, любимый». После этого я провалился в небытие.

Я долго спал. Уже поздним утром, просыпаясь, сквозь дремоту, ко мне стали приходить мысли о свойствах человеческой натуры быть двуличной. Мои жизненные принципы о семейных ценностях, о спокойных традиционных отношениях с женщиной в современном обществе перечеркивались желанием погрузиться в ужасную любовную страсть, пусть даже пошлую, со страданиями и угрозой для жизни. И чем страшнее меня ожидала участь, тем сильнее я хотел этих отношений. Люди иногда попадают в зависимость от алкоголя, табака, карточных или компьютерных игр. Я был болен неизвестным мне ранее недугом: привязанностью к этому дикому для нормального человека состоянию опьянения близостью с оборотнем. Я хотел снова и снова ощущать погружение своего тела в пучину сладострастия. Как алкоголику, понимающему, что он погибает, и все равно неостанавливающемуся, мало одной рюмки, так и мне хотелось все больше, возможно, губительных, ночей.

Проснулся я от настойчивого стука в дверь. Быстро поднявшись и открыв дверь, я увидел свою девушку-крысу. Чуть поодаль, за ее спиной, сверля меня глазами, стояла та самая пожилая женщина с небольшими усами. Моя возлюбленная явно была взволнована. Несмотря на спокойную речь, я почувствовал в ее голосе скрытую дрожь. «Одевайся, дорогой, хозяин приготовил шикарный завтрак. Мы пришли, чтобы тебя проводить». В ее глазах я прочел невырази-

мый страх потерять меня, потерять наши незабываемые ночи, зародившуюся любовь.

Путь лежал к той самой желтой пристройке. Моя возлюбленная шла впереди, я – за ней, замыкала процессию пожилая дама. Я смотрел на притягательные изгибы тела своей девушки, на ее длинные, покачивающиеся черные волосы и не думал о грозящей опасности. Все мои мысли были о той, которая шла впереди, в легком обтягивающем платье, под которым угадывалось ее упругое, желанное и познанное мною тело.

Мы подошли к двери, за которой, возможно, меня должны были убить, искромсав на куски крысиного корма. Я в нерешительности остановился. «Ну, заходи же скорее», – послышалось шипение пожилой дамы.

Я обернулся и посмотрел на нее. Облик женщины стал меняться буквально на глазах. Появилась шерсть, вытянулся длинный безволосый хвост, лицо превратилось в крысиную морду. Вот тут, наконец, я, ощутив опасность, бросился мимо желтой пристройки вниз к реке. Сзади послышался истошный нечеловеческий визг. Уже у реки, оглянувшись, я увидел, как моя девушка в образе крысы боролась с другой большой крысой, впившись в ее горло. На визг, напоминающий порой скрежет металла, спешило несколько других крыс. У моих ног уже была вода.

Я понимал, что река довольно широкая и способность долго плыть потребует больших усилий, поэтому обратил

внимание на вязанку дров, сложенную, видимо, для местной котельной. Среди них было несколько больших нерасколотых чурбанов. Схватив один из них, я вместе с ним плюхнулся в воду и стал лихорадочно отплывать от берега. Вода была холодной, но я, обхватив чурбан руками, этого не чувствовал. Взор мой прикован был к берегу. Там разыгралась настоящая драма. Моя возлюбленная крыса, гонимая сородичами, истекая кровью, бежала к воде. Борьба продолжалась. Крысы ее преследовали, пытаясь изошцриться для последнего, смертельного, укуса. Моя возлюбленная изворачивалась, пытаясь укусить в ответ. Я понял, что она не просто боролась за свою жизнь, она встала грудью за меня, человека, которого полюбила всем своим нечеловеческим сердцем. Она боролась за любовь, без которой не понимала смысла жизни. Видя, как она вошла в воду и красные круги крови окрасили все вокруг, я не выдержал и стал грести обратно. Гонимый какой-то неудержимой силой, я ничего не видел, кроме моей возлюбленной. «Быстрее, быстрее, только к ней... Спасти ее... Обнять... Согреть...» – пульсировало в моем мозгу.

Я греб изо всех сил, но течение реки уже подхватило меня, сделав тщетными все мои попытки вернуться. Я видел смотревшие на меня глаза любимой, в которых не было ни капли сожаления о случившемся, они светились необыкновенным светом, словно говорили: «Живи, помни обо мне, я тебя всегда буду любить...»

Я быстро уплывал... Иногда мне казалось, что я еще ви-

жу свою возлюбленную – то в образе крысы, то в образе девушки. Скорее всего, вода уже сомкнулась над ней, но я не хотел в это верить. Река, готовая взять одну жизнь, спасала другую, унося меня от этого странного места, где я познал такую любовь, выше которой я, возможно, не узнаю никогда в жизни...

Пагубная страсть

Когда-то, в восьмидесятых годах прошлого столетия, я служил на Дальнем Востоке, на маленьком островке, затеряншемся в Японском море. Туда редко заходили небольшие суденышки, и то только по крайней необходимости. Прошло много лет с тех пор, но, вспоминая об этом отрезке своей жизни, я мечтал снова оказаться там, ведь у нас в памяти, как правило, остается только хорошее.

Как-то меня отправили по работе в те края, и я решил воспользоваться такой неожиданно представившейся возможностью добраться до острова. Я помнил, к какой бухте нужно прийти, и удача от меня не отвернулась: на пирсе стояло небольшое однопалубное судно, готовящееся доставить на остров продукты. За определенную плату мне разрешили спуститься в трюм.

Когда мы отплыли на большое расстояние от берега, море заштормило. Выйдя на палубу, глубоко дыша от укачивания, я жадно вглядывался вдаль. Спустя какое-то время наконец появился остров, напоминающий издали высокую, торчащую из воды, пирамиду. Вид нетронутой природы удивлял и восторгал. Все утопало в зелени лиственных деревьев, высокая разнообразная полусубтропическая трава закрывала каменистые тропинки, идущие вверх, лишь прибрежные валуны грозно нависали над бьющимися волнами. Скальный

берег казался неприступным из-за своей крутизны. Волны, раскачивая наше судно, будто не хотели подпускать к берегу, но оно, упорно работая винтами, все же причалило к небольшой пристани.

– Вечером отплываем, не опаздывайте. А то останетесь здесь на полгода, – предупредил пожилой, с большими рыжими усами капитан.

Воинское подразделение, где я служил, давно было расформировано, и я пошел на самый верх острова. С трудом пробираясь по всюду разбросанным камням, я шел туда, где на самом высоком гребне заканчивается пологий южный склон острова и начинается уходящий вниз, крутой, северный. Шел на перегиб двух склонов, куда врывается мощный океанический ветер. Видели бы вы это необыкновенное явление природы! Когда путник, поднимаясь к еще невидимому краю пропасти, делает последние шаги, этот северный ветер внезапно пытается сбить с ног, невидимой стеной давит на грудь, отбрасывая назад, на тихую южную сторону, как бы говоря, что он здесь хозяин, властелин всего острова. И путник, сделав шаг навстречу ветру, невольно наклоняется вперед, чтобы его не отбросило назад, практически падает над пропастью отвесного северного склона и чуть ли не лежит на восходящих потоках океанского шквала. И я несколько минут, казавшихся вечными, с неопишуемым восторгом почти парил над открывшейся бездной. Моему взору открылись необъятные морские просторы, где белые бурлящие ба-

рашки штормящего океана незаметно сливались с безбрежным небом на линии горизонта.

Я стал осматривать скальные берега острова, затем все, что окружало в непосредственной близости, и, конечно же, сразу увидел недалеко от меня находящийся маяк. Глаз мой заметил и сидящего рядом с маяком, с подветренной стороны, мужчину, который смотрел в мою сторону, видимо давно наблюдая за мной. Я подошел и представился. Мужчина хрипловатым голосом ответил:

– Давно не видел новых лиц. Я живу здесь почти два года, обслуживаю маяк. На острове кроме меня еще четыре матроса. У них навигационный военный пост. Я, в основном, все время один.

Это был мужчина лет пятидесяти, с длинными седыми волосами, весь заросший щетиной. В глазах его чувствовалась усталость, какая-то отрешенность, как будто он разочаровался в самой жизни.

– Матросы прозвали меня Полковником, – усмехнулся смотритель маяка.

И действительно, в мужчине еще угадывалась привычка держать осанку, возможно, он длительное время когда-то был на военной службе.

– Я видел, пришло судно. Вы прибыли с ним? – с этими словами глаза его вдруг неестественно заблестели.

Полковник явно заволновался. Его внутренняя дрожь передалась и мне. Я же, не желая излишних непонятных пере-

живаний, решил уйти.

– Пойдите, – промолвил мой новый знакомый, – я тут совсем один... Сделайте одолжение, пройдемте со мной на маяк, у меня отменный напиток из местных трав.

Почувствовав неловкость, если я ему откажу, больше из вежливости, я утвердительно кивнул и пошел к маяку.

Внутри маяка было нехитрое убранство. Облупившаяся краска на винтовой лестнице, ведущей вверх, топчан с неряшливо валявшимся на нем покрывалом, повсюду какие-то запасные части вместе с пустыми бутылками, разбросанная одежда – все говорило о холостяцкой жизни обитателя маяка. Мы молча сидели за небольшим деревянным столом. Травяной напиток действительно был превосходным, после очередного глотка во рту оставался приятный терпкий вкус.

Моего собеседника явно что-то тяготило, как будто он хотел сказать нечто важное, но не знал, с чего начать.

– Я... я, – неожиданно покраснев и как-будто собрав все свои силы, он начал разговор: – Выслушайте меня, я... я... Мне нужно кому-то выговориться. Я здесь так долго один. Будьте любезны.

Времени до отплытия было еще много, и я согласился выслушать этого странного, так далеко забравшегося в уединение, немолодого мужчину.

– Эту женщину первый раз я увидел на концерте, – продолжил мой новый знакомый, – она пела романс «Под дугой

колокольчик поет». Если бы эта красивая, стройная певица, стоящая на сцене, была уродлива, я бы этого не заметил. Она все равно была бы прекрасной во время пения! Большие выразительные глаза ее были то нежны, как легкая, ласковая волна, то бросали жгучие взгляды, словно коршун пикировал на убегающего зайца. Эта женщина уже не принадлежала самой себе. Она, погруженная в эмоции, проживала на сцене ту жизнь, которая была в содержании текста романса. Весь зал, заразившийся энергией, идущей со сцены, верил певице во всем и был вместе с ней. Голос ее имел такую завораживающую силу, что проникал в самые затаенные уголки моей души. Пронзительный, сильный, высокий звук, вызывающий восторг, чередовался с тихим, спокойным и прозрачным. И я, вместе с ним, словно взлетал в неопишемом пируете в бездонные небеса, а затем медленно парил над гладью оранжевого закатного моря. Звуки, которые лились по залу, давали ощущение свободы от жизненной суеты, непознанной мной раньше. Сидевших зрителей словно объединило нарастающее новое чувство. И этим наделенным могучей жизнью чувством, царившим повсюду, была любовь. И вот, когда в очередной раз я услышал долгую высокую ноту, сердце мое замерло, словно хотело запечатлеть, запомнить это мгновение, показать мне появившийся перелом в жизни и, обогатившись новыми нахлынувшими эмоциями, бешено заколотилось, унося меня к желанию любить эту женщину. Все во мне вспыхнуло, я, уже не слыша романса, жадно смот-

рел на нее, с налетевшей, как буря ломающей самые крепкие ветви деревьев, страстью, увлекаясь в пропасть неведанной глубины. Как только она закончила петь, после оглушительно звенящей паузы зал потонул в грохоте аплодисментов. Я бросился с букетом красных роз к ее ногам, а затем, вернувшись в кресло, все жаждал, чтобы она посмотрела в мою сторону. И вот ее взгляд как будто скользнул по мне, от чего все во мне затрепетало: я был счастлив.

На следующий день, узнав, что моя возлюбленная дает уроки вокала, я записался к ней на занятие. И, хоть певец из меня никудышный, я шел на уроки с чувством благодарности судьбе и счастья. Когда Анна наигрывала мне на пианино, словно живое тепло от ее близости согревало меня. Я часто попадал мимо нот, видя сладостный изгиб ее спины, милые, чуть вьющиеся каштановые волосы. В эти минуты деревянный пол в классе словно уходил из-под ног, и я летел в неведомое. Видя ее, слыша журчащий голос, я в своем стремительном полете постигал неведомую ранее глубину жизни, все сильнее влюбляясь. Я и сейчас ощущаю то бешеное биение своего сердца, – отчетливо, словно прислушиваясь к себе, добавил мой собеседник.

Он невидяще посмотрел в окно, весь погруженный в прошлое, и продолжил:

– Вы представляете, я стал другим человеком, с иными чувствами, восприятием, с другим сознанием... Но вдруг... она исчезла.

Полковник снова замолчал. На окне зажуужжала муха, и этот назойливый звук казался оглушительно громким в возникшей тишине. Наконец кажущаяся бесконечной пауза стала настолько долгой, что мужчина, сидевший напротив меня, поняв это, встrepенулcя и вновь посмотрел на меня.

– Простите, – промолвил он, – иногда, чтобы нанести сокрушительный удар человеку, необязательно его бить изо всех сил. Нужно поэтапно, шаг за шагом, выводить его из равновесия, заставляя волноваться по разным поводам.

Анна не отвечала ни на звонки, ни на смс несколько дней. И вот на пятый день пришло смс-сообщение:

«Я в больнице. Если не испугаешься, приходи». И далее – адрес... Я, конечно, согласился. Как же я мог отступить, даже узнав позже, что она, мой учитель, мой нежный ангел, женщина, которую я боготворил, имела огромное влечение к вину?

Она лежала в наркологическом отделении. Я навещал ее, приносил продукты, разные вещи, все больше привязываясь к ней. Анна всегда встречала меня с радостью. Мы уединялись в комнате для посетителей и долго говорили. Я передавал привет от ее десятилетнего сына, который остался с бабушкой, рассказывал про его учебу. Для меня эти минуты, когда я видел спокойную, душевную, и оттого еще более красивую женщину, были очень важны. Я старался скрыть силу влечения к ней, но в одно из свиданий мы сели так близко друг к другу, что не выдержав, я приобнял ее. Наши гу-

бы были так близки. Мной овладела какая-то сила, которая отбросила все условности и приличия. Я до сих пор помню этот поцелуй. В ту минуту все окружающее исчезло, я ничего не слышал и не видел. Наступило, как говорят, состояние нирваны, когда ничего от жизни больше не нужно и ты не чувствуешь ни ног, ни рук, ни где ты находишься. Ты весь в ощущениях. Как утомленный путник, выбравшийся из пустыни, приближает свои губы к спасительной влаге и делает первые глотки, так и я не мог оторваться от увлекающих в непознанные наслаждения губ своей возлюбленной.

Я чувствовал каждое подрагивание, напряжение и расслабление нашего поцелуя, в котором я словно парил в потоке своей надежды и любви. С этой минуты я посчитал, что мы, заметьте, не я, а мы, нужны друг другу, что нас связывают великие таинства отношений мужчины и женщины. Как же я ошибался!

После выписки из больницы, я отвез Анну домой, надеясь на продолжение наших отношений. Я убеждал ее, что вся жизнь впереди, что все плохое в прошлом и как прекрасно можно жить без вина, предлагал ходить в бассейн, ездить на велосипедах, заниматься йогой и многое другое. Я предлагал создать семью и готов был взять на воспитание ее сына. Но...

Я сначала не мог понять, куда Анна исчезает. Ее не было дома, на звонки она не отвечала. Я начал подозревать, что у нее, быть может, появился другой. Но это было только смутное, мучительное предположение. Так прошло несколько на-

пряженных месяцев наших встреч и разлук. Я был все так же влюблен. За это время мы сблизились: в эти незабываемые ночи я старался быть лучше всех мужчин на свете. Прислушиваясь к каждому, даже не желанию, а позыву, устремлению ее тела, я отзывался. Как разгребают камни, освобождая дорогу бегущему ручейку, чтобы он обрел силу, так и я берег родник наших чувств, чтобы он уже бурлящим потоком унес нас обоих к неведомым берегам близости. Признаться, она говорила, что ей хорошо со мной. Но... затем она вновь исчезала. Я стал думать, что, может быть, здесь есть какая-то тайна, что какое-нибудь неизвестное мне увлечение овладело ею? Но все оказалось гораздо проще – это была все та же страсть к спиртному.

Анна пропадала в компаниях таких же пьющих. Каков был контраст между тем, какой она выходила на сцену, воздушной, манящей всех мужчин, и тем, какой она становилась: непричесанной, шатающейся, с потухшими глазами после очередной попойки. Я боялся за нее, ведь люди в пьяном состоянии совершают поступки, о которых потом сожалеют, и поэтому выискивал, вытаскивал ее из этих компаний.

По моему настоянию мы ходили к психологу, делали кодировки, но... мою любимую вновь и вновь захватывала пьянящая круговерть отравы, увлекающая след и мою душу. Однажды я понял, что она смеется надо мной, ей явно доставляло удовольствие видеть, как я буквально бегаю за ней. Она уже издевалась, забираясь на соседний подъездный балкон с бу-

тылкой коньяка, наблюдая за мной, ждущим и страдающим у подъезда ее многоэтажного дома. Иногда она специально не отвечала на мои звонки по телефону, зля меня, не появлялась в назначенное время. Я негодовал и... прощал.

Она, отдаваясь воле случая, часто бесцельно блуждала по окрестным улицам и дворам. Среди знакомых пьяниц и заблудших бродяг ей было необыкновенно хорошо. Крики пьяных, эта адская свистопляска, была тем хаосом, который заглушал все противоречия окружающего мира с его проблемами и трудностями. Я пытался понять ее мир, но ощущал чужую жизнь, непонятное возбуждение горькой накипи общества, этой толпы, которая давала волю своим изменчивым, грубым инстинктам. И, когда я находился рядом с ними, я чувствовал себя чужаком, вторгшимся в какой-то другой мир. Между нами была стена. Слышались пьяные выкрики, мир становился грубее и низменнее. В сумерках на пятачок перед ее подъездом выползали страждущие, ночные фигуры, чтобы выпить и поддержать догорающий уголек поблекшей жизни, не думая, что он все равно преждевременно потухнет в какой-нибудь больнице. Под деревьями сгушалась душная, дурно пахнущая тьма. Ясность сознания сочеталась с бредом. Здесь можно было не думать о работе, доме – после очередной дозы было необычайно весело. Все казалось легким. Смешными были падения и травмы, и даже если кто-нибудь околевал, не доползя до дома. Лишь в одном случае смех переходил в гнев – когда происходил дележ

спиртного. Все мерилось им. Если кто-то не сбрасывался на вино, то, припомнив это на следующий день, гнали прочь, чтобы бедняга принес деньги или бутылку. Если кто-то угощал женщину, то считал, что она ему должна отдаться. Здесь негласно властвовал его величество Алкоголь. Эти несчастные такими себя не считали. Они как мутная грязь, осевшая на дно, не видели чистой воды на поверхности. Как правило, все пьяницы были одиноки, без семьи. У матерей-одиночек маленький ребенок уже мог показать рукой, как пьет его мама. Пьющих не смущало, что их дети, видя частую смену партнеров у родителей, в будущем будут равняться на эту реальность.

В моменты трезвости Анна сожалела о происшедшем, никогда не признаваясь в этом вслух. Друзья убеждали меня, чтобы я ее бросил, что женский алкоголизм не излечим. Я же, словно зомбированный, думал о ней днем и ночью. Я верил в силу своей любви. ... Так прошел год, унесший у меня много моих душевных и физических сил. Страх, что любимая женщина вновь сорвется, снова возьмется за рюмку, грозил мне нервным истощением.

Однажды, после очередного ночного приключения, она пришла домой побитая. Как она рассказала, ее домогался незнакомец, которого сильно разозлила, не ответив взаимностью. Ее подавленное состояние расположило к откровенному разговору. Выяснилось, что ей давно все надоело в жизни, ничего не удивляло. Пение и преподавание являлись всего

лишь заработком. Этот случай и наш разговор придал Анне решимости попробовать изменить свою жизнь, согласившись на мои некоторые условия.

Я настоял, чтобы она каждый день принимала лекарство, после приема которого опасно выпивать. А также запретил ей уходить по ночам, и потому мы решили каждую ночь быть вместе.

Этот нелегкий период длился еще полгода. Я видел, в каком напряжении была Анна. Она пыталась стать хорошей матерью, вдруг вспомнив о сыне, делала с ним уроки, стремилась делать домашние дела, готовила обеды. Но она стала жесткой, зажатой, чувствовалось, что некое существо, когда-то поселившееся в ней, не отпускает, гложет изнутри. И все же иногда она была нежна, прижимая к себе и целуя мою руку или просто в переплетении сжимая своими пальцами мои... Но неожиданно я попал в больницу.

С этими словами мой собеседник снова замолчал. Воспользовавшись паузой, я тихонько подлил себе напитка, не решаясь говорить.

– Болезни, говорят, не приходят сами по себе, – продолжил седой смотритель маяка, – они приходят, как отражение нашей жизни, переживаний и стрессов. У меня, никогда не жаловавшегося на здоровье, открылась язва желудка с последующими осложнениями. Анна, оставшись одна, без моего контроля и не выдержала – вновь начала пить. В пьяном угаре она позабыла обо мне. Ни разу не справившись о

моем самочувствии, она сошлась с каким-то неработающим забулдыгой, у которого на тот момент были деньги и который щедро угощал. Мне было очень больно осознавать измену. Кровь моя кипела. Я думал: вот оно дно, самое дно низости, и теперь должна была наступить катастрофа, взрыв. Я не мог представить, что снова смогу встречаться с Анной после этого. Я не мог испить эту чашу мерзости и позволить, чтобы кто-то наслаждался унижительностью моего положения, показывая на меня – рогоносца. Ничего не задевает так мужчину, как измена женщины.

Я возненавидел Анну и, выйдя из больницы, не звонил ей. Терзался, страдал, и вот прошла всего одна неделя и во мне, как черная плесень на мокрой стене, стали прорастать нотки сомнения в правильности моего отчуждения. Я как бы исподтишка, заглушая голос разума, стал оправдывать ее поступок, говоря, что она никак не могла справиться без меня, что это не она виновата, а ее болезнь, и мне нужно смириться, принять ее такой, какая она есть. И тогда я сделал поразительное открытие: мы больны оба! Она – алкоголизмом, а я – привязанностью к ней. Эта пагубная страсть соединила и переплела наши судьбы.

Большинство зависимых людей не признает своих проблем, не понимает причины их возникновения, а потому не занимается самоанализом. Я, в отличие от таких, хотя бы осознал, что любовь к Анне привела меня к неизвестной болезни, которая сузила мой взор, закрыла необъятную красо-

ту окружающего мира. Я забыл обо всех интересах и увлечениях. Я стал терять себя, жить чужими желаниями, ведь все свое время отдавалось Анне. После всего происшедшего, желая расстаться с Анной, я попытался найти выход: ходил к психотерапевтам, которые советовали знакомиться с женщинами, уезжать на несколько дней в другие города. Но ничего не помогало, меня вновь и вновь тянуло к моей роковой Анне. Я хотел простить ей все. Пусть она выпивает, но только рядом, лишь бы со мной, в моей жизни. Это напоминало маниакальную погоню за призраком, несущим гибель.

И тогда я решил обратиться к Господу, уехать на Урал, в далекий мужской монастырь. Там, кроме настоятеля и его помощников, ни у кого не было сотовой связи, не работал и интернет. Для монахов была изолированная жизнь, с другими законами, с иным миропониманием. Работая, я старался вникнуть в сам процесс работы, забыв о прошлом, сосредоточившись на настоящем. Если я рубил дрова, то думал о колуне с чурбаном, если долбил ломом уголь, то о том, как он будет гореть в топке. Иногда, стоя с молитвенным словом перед иконой, я просил Господа, чтобы он спас меня от прошлых мыслей, от искушения вспоминать. Ведь зачастую мы, люди, используем воспоминания, чтобы перенести человека, с которым расстались, в настоящее, представить его здесь, снова рядом. Мы думаем, что вот как хорошо было бы, если бы он сейчас гулял со мной или мы вместе смотрели на красивый закатный лесной пейзаж. Я молился и уверился, что в

Анну вселился дьявол. Мне казалось, с ней было опасно рядом находиться, дьявол настолько хитер, что готов перекинуться на меня. Поэтому я здесь, молю Господа о спасении Анны, и только мое монастырское участие может ей помочь. Ведь Господь все видит, он не оставит мои устремления, он поможет, – так думал я.

С этими словами мой собеседник внимательно посмотрел мне в глаза долгим, изучающим взглядом и спросил:

– Вы верите в Бога?

– Конечно, – не задумываясь, ответил я, – Бог есть.

– Вот и я так всегда думал, особенно тогда. А сейчас лишь могу допускать это, – продолжил Полковник. – Как вы помните, я говорил, что нам в монастыре не разрешали иметь сотовые телефоны. У нас не должно было быть искушения для общения на фривольные темы, особенно с женщинами. Но как-то вечером я задержался в церкви. Внутри уже никого не было, кроме старшего монаха. Он, не видя меня, рассматривал документы, положив рядом, на стул, телефон. Мне неудобно было мешать, и я затаился. Затем настоятеля неожиданно позвали, и он, поспешно прихватив молитвенник, ушел, забыв телефон у алтаря. И тут, словно черный смерч пронесся надо мною, меня пронзила неотвязная мысль схватить телефон и позвонить. Как свет далекой звезды идет к нам из невидимой галактики, так и я услышал из другого, уже почти забытого мира единственную фразу, произнесенную Анной:

«Я вас слушаю». Этого было достаточно. Я понял, что здесь мне больше делать нечего.

Через неделю я в шикарном дорогом костюме, с букетом алых роз подходил к ее дому. Весь в волнительном ожидании какого-то светлого праздника, встречи с любимой женщиной, я не сразу понял услышанные пьяные выкрики: «Сука, я тебе уже наливал! Оставь мне!»

Я остановился, глядя на знакомый пяточок перед подъездом. Там, под деревьями, долговязый алкаш пытался ухватить своими длинными руками растрепанную пьяную женщину. Та зло хохотала, держа банку с какой-то мутной жидкостью, не давая ее и дразня собутыльника. И о, Боже, я узнал в этой женщине Анну! Сердце мое внезапно словно умерло... Как ночь наступает после заката солнца, так и ко мне пришел мрак. Розы рассыпались по земле, я развернулся и, потрясенный, побрел прочь... Другой на моем месте покончил бы с собой, но я в своем подавленном состоянии не мог сделать этого. Медленно идя в неизвестном направлении, машинально, словно в бреду, оказался на железнодорожном вокзале и уехал в самую далекую точку страны, на Дальний Восток. Так я оказался здесь.

С этими словами мой собеседник замолчал, взгляд его потух, руки безжизненно замерли на столе. Видя его состояние, я боялся что-то промолвить, а потому неподвижно смотрел в пустую чашку.

За это долгое, как мне показалось, молчание я успел поду-

мать о фатальности судьбы, когда человек, как телега, попав в колею рядом с дорогой, никак не может вырулить обратно на нее, порой не в состоянии пойти другим путем. А жизнь несется к своему завершению, и заложенные природой возможности человека не реализуются...

Внезапно порыв океанского ветра шумно ударил по окну, и Полковник, вяло подняв голову, произнес:

– Вам пора. Спасибо, что выслушали меня. Никогда не любите кого-то больше, чем себя.

...Спустя час я уже был на готовящемся к отплытию нашем небольшом корабле. Прибрежная волна раскачивала его, чайки настойчиво кричали – все говорило о незаконченности истории, словно меня ждало ее продолжение. Из машинного отделения загудело, и меня обдало неприятным выхлопом от работающих двигателей.

Вдруг я услышал:

– Стойте! Стойте! – к кораблю подбегал весь взмыленный, запыхавшийся Полковник.

– Этот полоумный джентльмен опять будет проситься на судно, – заметил рыжеусый капитан. – Ребята, – крикнул он матросам, – убирайте трап, без него пойдем!

Но мой новый знакомый, сделав рывок вперед, большим прыжком настиг палубу. Тяжело дыша, грозно сверкая глазами, отодвинув матроса, он обратился ко мне:

– Вы должны мне помочь! Мне нужны деньги на проезд! Я верну, только дайте адрес!

Наше судно уже отчалило, стало набирать ход. Капитан выругался и ушел в рулевую рубку. Всю дорогу незванный спутник молчал, а на берегу, взяв у меня займы деньги, исчез...

...Прошло несколько месяцев. Я вышел на работу и уже стал забывать эту историю, как вдруг пришел денежный перевод. На бланке было сообщение: «Приезжайте на концерт Анны», указывалось время и место. Я уже говорил вам, уважаемый читатель, что почувствовал какую-то недосказанность, незавершенность этой истории, и я с некоторой тревогой поехал в назначенный день на концерт.

На дверях небольшого двухэтажного, еще советской постройки шестидесятых годов, желтого с колоннами дома культуры висела афиша о предстоящем концерте. Народ собирался и проходил в небольшой камерный зал. Я сел с правого края и огляделся. Зал был человек на двести вместимостью. Внимательно окинув его взглядом, можно было всех рассмотреть. Я сразу узнал Полковника. Он сидел на другой стороне в черном костюме и такого же цвета лакированных туфлях. Все черное, в том числе и очки, делали его каким-то зловещим. Я почувствовал неладное.словно свинцовая туча медленно надвигается на синеву открытого неба, готовая вот-вот ударить молнией, так и этот человек нес тревогу. Я стал часто поглядывать в его сторону.

Зал заплодировал, и на сцену вышла Анна в коричневом, длинном, до туфель, платье, в таких обычно исполня-

ют классические произведения в сопровождении рояля. Она действительно была привлекательной женщиной. Не зная ее жизненную историю, я бы и не обратил внимания на немного перепудренное лицо и излишне наложенный макияж, для сокрытия отечности век и припухлости скул. Анна мило и открыто улыбалась, что располагало к ней публику. Концертмейстер за роялем заиграл, и Анна запела. Если вы, уважаемый читатель, ходили когда-нибудь в оперу, то и там очень редко можно встретить такой красоты голос. Тембр ее сопрано был в удивительном созвучии с тем, что мечтает слушать наше ухо. И я, забыв о тревоге, погрузился в блаженство звуков.

Ведущая концерта объявила: «Романс „Под дугой колокольчик поет“». Что-то меня вдруг насторожило, где-то я ведь слышал об этом романсе? И вдруг меня кольнуло: «Точно! Об этом романсе рассказывал седой смотритель маяка!» Вдруг шевельнулась оконная портьера за спинами зрителей, резкий порыв ветра всколыхнул платье певицы. Забыв о концерте, я перевел взгляд туда, где должен был сидеть Он. Там подобно ягуару, замирающему перед решительным прыжком, приподнявшийся с кресла черный человек застыл в дьявольском напряжении. Я почувствовал его решимость вот-вот броситься, совершить непоправимое. Правая рука мужчины потянулась внутрь пиджака. «Пистолет!» – мелькнула мысль. Ни секунды не медля, я бросился к безумцу, не давая вытащить руку из-под полы пиджака...

Слава Богу, на концерте никто ничего не понял. Когда я буквально выталкивал из зала этого ненормального, зрители лишь ненадолго отвлеклись, неодобительно шепчась.

...Спустя час я успокаивал рыдающего, с багровым лицом и воспаленными глазами бывшего смотрителя маяка. Сюда, в свой гостиничный номер, мне пришлось чуть ли не силой доставить его на машине.

– Прошу вас! Умоляю, скажите ей, что я здесь! Ей ничего не грозит! Пусть придет! – просил бедняга. – Ее телефон не отвечает! Без Анны я не смогу жить! – вдруг добавил Полковник решительно.

А потом как-то сразу обмяк, повалился на кровать и замер. Все, чем он жил, словно сгорело в нем в этот миг, покрылось траурным пеплом. В глазах исчезла боль, и теперь уже невидящий взгляд страшил своим мертвенным тупым безразличием.

Я быстро собрался и пошел по указанному им адресу. Стоял нестерпимо знойный вечер. Вдруг деревья тихонько закачались, наклоняясь друг к другу. Затем вдоль улицы понеслись клубы пыли. Что-то большое, грозное где-то проснулось и надвигалось на город. Я побежал, дрожа от волнения, представляя, как с первым ударом молнии Полковник нажимает на спусковой крючок у своего лба. «Почему я оставил пистолет у него?» – гнали меня предчувствия...

...Невидимая рука продолжала затягивать небо. Все ниже нависали свинцовые тучи...

Спустя какое-то время я торопливо возвращался в гостиницу, держа под руку перепуганную Анну.

Когда я повернул ключ, а затем тихонько приоткрыл дверь номера, зловещая тишина окутала пугающим покрывалом неизвестности. Лампы были потушены, и темнота обрушилась на нас. Вдруг за окном мелькнула молния – комната осветилась грозной синевой.

– Ах! – вскрикнула Анна.

Поперек кровати лежал Полковник с пистолетом в руке. Я нащупал выключатель и все, что пряталось, пугало, обрело форму, стало существовать. Анна жалостливо наклонилась над лежащим человеком. Строгое, бледное, с четкими контурами лицо мужчины казалось еще более красивым. На нем не было ни страдания, ни гнева, ни ненависти. И вдруг еле заметная улыбка тронула уголки глаз лежащего. Он приоткрыл глаза, и маленькая искорка света зажглась в его зрачках.

– Как ты мог! – воскликнула Анна и упала ему на грудь...

Больше я их не видел. Текла обычная жизнь. Лишь изредка, вспоминая те дни, я задумывался о превратностях судьбы, которая правит человеком помимо его воли, дергает его за какие-то неведомые, неизученные нами нити...

Однажды, читая хроники происшествий в одной из газет, я наткнулся на заметку об автомобильной катастрофе какой-то певицы с седовласым мужчиной. Как писали, она была за рулем в нетрезвом виде...

...Может быть, это были не мои знакомые?..

Синее наваждение

Однажды осенью мы вдвоем с коллегой по работе возвращались из командировки в Москву. Автобус уже два часа как отъехал из Ярославля. Уставший, я смотрел на мелькавшие за окном однообразные, уже безлиственные деревья, навевающие унылость. Монотонность пейзажа и мягкое покачивание автобуса убаюкивало. Мой спутник, парень лет тридцати, всю дорогу напряженно смотрел в окно, как будто что-то хотел увидеть.

– Послушай, – вдруг, приблизившись к моему лицу, проговорил он.

Глаза его тревожно забегали, а лицо, как мне показалось, немного побледнело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.